

АНДРЕЙ БЕЗРУКОВ

“ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ НЕКРАСОВА...”

Памяти Н. Н. Скатова

Накануне 200-летия со дня рождения Н. А. Некрасова ушёл из жизни Н. Н. Скатов, который, пожалуй, как никто другой из литературоведов, сумел максимально возможно приблизиться к разгадке некрасовского гения, проникнуться его глубинной народностью.

1

*Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..*

Н. А. Некрасов “Современники”

В 1995 году журнал “Наш современник” напечатал самую, на мой взгляд, пронзительную статью Н. Н. Скатова “За что мы не любим Некрасова”, в которой автор с болью констатирует: “Не любим мы Некрасова. Да, по-видимому, сейчас мы и должны его не любить”. Говорят, на вопрос императора, почему героем пьесы выведен сутенёр, Островский ответил: “Дух времени таков, Ваше Величество”. Дух девяностых сметал Некрасова с корабля современности.

К счастью, вершители наших судеб в те времена – вчерашние преподаватели научного коммунизма, комсомольская номенклатура, фарцовщики и просто “братки” – в юности своей не читали поэмы Некрасова “Современники”. Иначе они тут же, даже не дождавшись, когда “революционный” троллейбус поместят напротив броневика во дворе Музея Революции, превратили бы Карабаху в бордель, который сегодня, уже в духе ещё более новых времён, с большой долей вероятности стал бы приютом для “гонимых” активистов ЛГБТ-сообщества. Ужасающая актуальность практически каждой строки некрасовской поэмы в комментариях Н. Н. Скатова поражает. Воистину, “как будто пробивая какие-то исторические этажи, кувырком пролетаем вниз”, вверх тор-машками, в Содом и Гоморру, и уже без идеала Мадонны... Не могу удержаться, чтобы не озвучить несколько “фрагментов и голосов”, выделенных Н. Н. Скатовым:

*Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...*

*Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.*

*Бредит Америкой Русь
К ней тяготеет сердечно...*

Ещё раз отмечу: подбор “фрагментов”, приведённых Н. Н. Скатовым, прежде всего, указывает на смертельную опасность воцарившегося хаоса:

*Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, делёж,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберёшь!..*

И хаос этот вполне управляем:

*Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?*

Через три десятилетия наступила определённая стабилизация хаоса. Прогресс (а по сути — регресс), о котором говорил Некрасов, начал обретать “цивилизованные” рамки “законности” и “культуры”. Однако в этом и притаилась ещё большая опасность. Поэтому к “фрагментам и голосам” поэмы, выделенным Н. Н. Скатовым, от себя добавлю следующие:

*Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!*

Тут и сам заговоришь стихами. Для Сбера — вот сфера: банкиры и “творцы” искусства могут объединить свои усилия, конечно же, во благо, конечно же, во имя, конечно же, России и, конечно же, “цивилизованного” мира:

*Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец,
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
“Гарантию” и “Субсидию”,
Идеалам форму дай!*

Не могу не привести слова ещё одного некрасовского героя — “триумфатора”, президента “учёного собрания” по поводу плачевных итогов попыток переноса зарубежного опыта на русскую почву:

*Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и Богу!
Без нас скорее он найдёт
К развитию дорогу...*

Сегодня они звучат “добрым” напутствием Некрасова горе-учёным, засевшим в многочисленных экспертных советах, и – шире – апофеозом либералам-реформаторам всех уровней власти. Ну, как не полюбить Некрасова!

2

*Чу! шёпот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!*

Н. А. Некрасов
“Крестьянские дети”

Что знаю я? И чего не знают молодые и – время неумолимо – даже зрелые наши соотечественники? Я знаю следующие некрасовские строки:

*Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей...*

Случалось, тут целые дни пролетали...

А “мужичка с ноготок”, которого звать Власом? И его не знают. Многие не слышали и о “Генерале Топтыгине”, не запали в их сердца такие простые и такие завораживающие строки:

*Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный.*

Что такое “столбовая дорога” мы понимали интуитивно, об “обратном ямщике” узнавали гораздо позднее. Но это нисколько не отменяло очаровательного звучания и притягательности некрасовских строк. В наши души входила великая русская литература... Входил Некрасов...

Низкий поклон “сеятелям”–создателям стихотворных сборников для детей, больших и малых, тематических и персональных.

Меня навсегда пленили ещё одни строки из “Крестьянских детей”:

*Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы...*

Так о крестьянских детях не писал ещё никто из русских классиков. И, возможно, никогда уже не напишет. Лев Толстой, обратившийся к теме крестьянства в рассказе “Утро помещика”, заметил “голубые глаза Чуриса”, мужика, с нежностью глядящего на единственного пузатого сынишку. Иван Тургенев в “Бежином луге”, описывая мальчиков, ушедших в ночное, говорил о “светлых глазах” Феде, “серых глазах” Павлуши, “больших чёрных” глазах Кости. Но ни один из них не сравнил глаза крестьянских детишек с полевыми цветами. Это, наверное, потому, что Толстой изучал народ, Тургенев описывал его, а Некрасов знал и любил его с детства:

*Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда
Я замер: коснулось души умиление...*

Так за что же наши дети так наказаны? Почему они не знают Некрасова?

*Что ты, сердце моё, расходилося?
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным колом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.*

Н. А. Некрасов “Что ты, сердце моё, расходилося?..”

О Некрасове говорили многое. Жил барином, имение приобрёл, пил, развратничал — загубил здоровье. У бедного Панаева красавицу жену увёл и жил с ней прилюдно. Был удачлив в картах, на которых и сделал состояние, подозревался в шулерстве. Фёклу (Зину), содержанку купца, тоже в карты выиграл, для сожительства. Одним словом, не жил Некрасов “согласно строгой морали”. А между тем, как других-то клеймил: чиновников-казнокрадов, взяточников, проклятых сибаритов — “владельцев роскошных палат”, помещиков, бурмистров, продажных писак...

Так давайте же и по другим великим пройдемся (уж Некрасов не великим ли был!), по спискам донжуанским, по девкам дворовым, прачкам и белошвейкам. Так и до Чайковского дойдём, а на Достоевского с его страстью к рулетке ещё и грехи Свидригайлова перепишем. Вспомним, что “Бомарше кого-то отравил”. И вообще:

*...и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

Некрасову ставили в вину стихотворение в честь генерала М. Н. Муравьёва-Виленского (в либеральной версии — Муравьёва-Вешателя), действия которого по усмирению Царства Польского вызывали резкое неприятие и либералов, и революционных демократов, одинаково негативно относившихся к русской государственности. В своё время В. И. Ленин назвал Некрасова человеком “лично слабым”, потому что-де поэт не мог найти себя между Чернышевским и либералами. Но можем ли мы говорить о личной слабости Некрасова, когда он как носитель высокой русской литературной традиции в оценке очередного польского бунта последовал за великим Пушкиным, создателем стихотворения “Клеветникам России”? Если уж на то пошло, то Некрасов проявил личную слабость тогда, когда поддался давлению как раз со стороны противников русской государственности — либералов и демократов. Классику простительно проявление личной слабости в партийной борьбе, которая зачастую превращается в борьбу за власть во что бы то ни стало, в борьбу лозунгов и амбиций. Непростительно классику проявлять личную слабость, когда речь идёт о судьбах России, безотносительно к партийной принадлежности радующих за неё.

Литературоведы, носители православного сознания, зачастую обвиняют Некрасова в том, что он стоял на революционной точке зрения “разрешения крови по совести”. В качестве примера приводится рассказ “божьего странника” Ионы “О двух великих грешниках”. После убийства Кудеяром пана Глуховского, кровопийцы и угнетателя народа,

*Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Слава Творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!*

Иными словами, убей мучителя народа, и тебе простятся все твои грехи. Однако при этом забывают прокомментировать следующие некрасовские строки, идущие сразу же за завершением рассказа “божьего странника”. А ведь они стоят того, чтобы в них вчитаться. Но сначала приведу их:

*Иона кончил; крестится;
Народ молчит (выделено мной. — А. Б.).
Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:*

— Эй, вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!...
“...Пожди! про Кудеяра-то....”
— Паром! пар-ром! пар-ром!..

Слова “Народ молчит” выделены мной неслучайно. Они столь же говорящи, как знаменитая пушкинская ремарка “Народ безмолвствует”, которая означает, прежде всего, что народ внутренне не принимает пролитой крови. Народ как коллективный герой поэмы не желает принимать итог рассказа странника Ионы, его православному сознанию чужд принцип “разрешения крови по совести”. Следующие за этим строки ещё раз подтверждают нежелание народа в лице прасола вообще обсуждать эту тему. Таким образом, Некрасов разъединяет позицию революционных демократов, которой он сочувствует, и позицию народа, которую он по своей творческой сути не может не высветить. Более того, в высших проявлениях некрасовского творчества, как это проницательно отметил Н. Н. Скатов, устами поэта говорит сам народ.

Поэтому, видя, как, следуя за Достоевским, Некрасова обвиняют в том, что в стихотворении “На Волге” поэт не только неимоверно сгущает краски, но и подменяет бурлака абстрактным “общепурлаком” с его нечеловеческими страданиями, мы ни в коем случае не должны забывать, что в поэме “Кому на Руси жить хорошо?” поэт вновь обратится к образу бурлака (“Бурлак”), но рассмотрит его уже с принципиально иных позиций:

*И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, “Дубинушку” стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идёт...
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! Пора и в путь!..
Он шёл домой — не близкий путь.
Дай Бог дойти и отдохнуть!*

Если в “Песне Ерёмушке” поэт безапелляционно в духе Белинского и Чернышевского заявляет:

*В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно,*

то, в свою очередь, в “Школьнике”, одном из своих самых оптимистичных стихотворений, он утверждает прямо противоположное:

*Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай...*

Особо следует прокомментировать упреки Некрасову в том, что “народного заступника”, своего положительного героя он списывал с революционных демократов или сочувствующих им: с Добролюбова, с Тараса Шевченко, с Чернышевского. Да и Гриша Добросклонов в “Кому на Руси жить хорошо?” однозначно революционер. Но и тут не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Некрасова как носителя национальной духовной традиции, прежде всего, привлекал подвижнический тип личности, отдающей себя без остатка служению великому делу. И если уж на то пошло, то первым положительным персонажем станет раскаявшийся грешник мужик Влас (герой одноименного стихотворения), у которого “Сила вся души великая // В дело Божие ушла”. Героим-”народным заступником” у Некрасова является и Крот (поэма “Несчастные”). Образ Крота, по признанию самого поэта, был навеян образом Достоевского, о перевороте в душе которого Некрасов мог узнать из писем

писателя брату Михаилу в период каторги и сибирской ссылки. Очевидно, что Достоевский 50-х годов давно уже не социалист-петрашевец:

*Вот кто-то крикнул: “Нет в вас Бога!”...
Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть!..
Не вдруг мы поняли его.
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!*

И уж никак не тянет на революционера реформатор эпохи Александра II, товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин, памяти которого как памяти народного заступника Некрасов посвятил стихотворение “Кузнец”:

*Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал....
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!*

Ещё раз повторим: чуждый как художник во всяком случае узким партийным интересам, Некрасов “до боли сердечной” (воспользуемся словами Салтыкова-Щедрина, относящимися к любому истинно русскому классику) принадлежал партии России. Поэтому он просто не мог отбирать своих героев-”народных заступников” по партийному списку. Разумеется, он не мог сказать о себе, как А. К. Толстой: “двух станов не боец”. Вместе с тем он и не “гость случайный”. Некрасов — человек и художник — принадлежал только одному стану:

*От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих (выделено мною. — А. Б.)
За великое дело любви!*

Свой губительный страдательный путь Некрасов прошёл до конца. Я уже не говорю о той степени самобичевания, до которой он сумел подняться. Попробуйте найти в нашей, да, пожалуй, и в мировой литературе ещё одного такого же поэта!

4

Страстный к страданию поэт.

Ф. М. Достоевский
“Дневник писателя”

Самим фактом существования в национальном сознании феномен Некрасова мешал, мешает и, несомненно, будет мешать созданию *зоны комфортности*, того прокрустова для России ложа, которое под влиянием массовой пропаганды так манит к себе уставшего от потрясений и треволнений русского человека. “Я — язва растущая!” — надрывно, по-гаршински, кричат некрасовские “Современники” и “Недавнее время”, “Бунт” и “Утро”, “Размышления у парадного подъезда” и “Железная дорога”, “Забытая деревня” и... Несть им числа!

Дать возможность читателю пережить очищающее и возвышающее душу чувство сострадания — вот, пожалуй, одна из центральных задач творческой личности великого русского поэта. И достигает этого Некрасов величайшей силой собственного — авторского и человеческого — страдания. Некрасов, как подчёркивал Н. Н. Скатов, доводил себя до “морoka страдания”, адекватно отзываясь на страдание народное. Вот она, думается, суть того некрасовского “страдания по народу”, которым поэт, по словам Достоевского, “искупил все (выделено мной. — А. Б.) свои грехи перед ним”.

*Ещё народу русскому
Пределы не поставлены...*

Н. А. Некрасов
“Кому на Руси жить хорошо?”

Кто не знает картину (или кто не слышал о ней) К. С. Петрова-Водкина “Купание красного коня”, картину-икону, картину-символ! Многим ранее Некрасов создаст своё “Купание коня”, свою картину-икону, картину-символ мужицкой Руси. Собственно, Некрасов создал своего рода триптих, в котором чётко расставлены авторские приоритеты: никаких “личных слабостей”, никаких “неверных звуков”, никакой декларативности и лозунговости. Центральная часть триптиха “обрамлена” зарисовками трудностей и опасностей крестьянской судьбы. Причиной их являются, с одной стороны (“левая” часть триптиха), – природный фактор:

*Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зелёным ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.
Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал её в луга,
А что там взять? Чернѣхонько!*

С другой стороны (“правая” часть триптиха), – человеческий фактор:

*Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село....
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трёх постоянных дворишек
Да “ренковского погреба”,
Да пары кабаков.
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.*

И в центре “триптиха” – “Купание коня”:

*Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую.
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С верёвкой сажень в пять.
Мужик берёт верёвку в рот,
Мужик плывёт — и конь плывёт,
Мужик заржал — и конь заржал,*

*Плывут, орут!..
Догнал коня — за холку хватать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея, как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока...*

Итак, от “лошади-калеки”, “безответной жертвы народа” — до мужика, купающего коня; “от воплощённого морока” — до воплощённой веры в Россию и её “сеятеля и хранителя” — русского народа. С помощью какого же художественного волшебства удалось Некрасову воплотить эту веру? Не могу ответить, разве что повторю слова Достоевского, которыми он завершил свою Пушкинскую речь. Думается, эти слова относятся к любому гениальному представителю нашей литературы: “умер... и бесспорно унёс с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем”.